

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ ГУМАНИЗМА

© 2017

С.М. Малков

**Малков
Сергей
Максимович** —
младший научный
сотрудник Сектора
методологии меж-
дисциплинарных ис-
следований человека
Института философии
РАН, зав. отделом
философии
и религии журнала
“Человек”. E-mail:
sm.malkov@gmail.com

На состоявшихся в ноябре 2016 года в Институте философии РАН XVI ежегодных Фроловских чтениях выступавшие не раз вспоминали идею Ивана Тимофеевича Фролова о создании Института человека и много говорили о перспективах развития этой идеи в современных условиях¹. Ведь она, как и всякая *идея*, зарождалась не в безвоздушном пространстве и была укоренена в *реальности* второй половины XX века. А сегодня приходится исходить из совсем иных социально-политических условий и интеллектуальных предпочтений.

Институт человека появился в системе РАН в январе 1992 года и проработал как самостоятельная научная организация без малого 13 лет. В конце 2004 года он влился в Институт философии РАН на правах отдела под руководством член-корр. РАН Б.Г. Юдина (1943–2017). Однако несколько лет назад Институт философии пережил очередную административную реформу, и отделы были упразднены. Остались два формально независимых друг от друга сектора — каждый со своими бюджетными темами, научно-исследовательскими программами и методологическими семинарами.

Академик А.А. Гусейнов, который в то время возглавлял ИФ РАН, понимал всю трагичность сложившейся ситуации. Он выступил с “инициативой сверху” по воссозданию Института человека на базе Института философии. Эта инициатива была горячо поддержана сотрудниками обоих секторов, начались дискуссии по конкретным способам возрождения Института, его целям и задачам. Сегодня в рамках ИФ РАН работают две дискуссионные площадки, где обсуждаются эти проблемы: ежегодные “Фроловские чтения” и методологический семинар “Институт человека”, организаторами которых выступает сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики. Результаты этих дискуссий показывают, что идея Института человека не только не потеряла своей актуальности и по сей день, но претерпев определенные, порой достаточно существенные трансформации,

¹ Краткий отчет о чтениях опубликован в № 4 журнала “Человек” за этот год. Материалы дискуссии предполагается выпустить отдельным изданием.

все больше обретает черты жизненно важного для нашего общества философского *проекта*, в рамках которого можно ставить важнейшие проблемы, затрагивающие будущее человека и человечества.

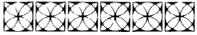
Но, разумеется, современный интеллектуальный проект не может механически воспроизводить идеологию, проблематику, да и структуру учреждения, создававшегося четверть века назад: слишком сильно изменились социально-политические условия в стране и мире, интеллектуальная атмосфера, самосознание гуманитарных наук. В связи с этим полезно было бы очертить и проанализировать *социально-философские идеи*, на основе которых формировался в свое время Институт человека, и проследить их последующую трансформацию в современных условиях. Разумеется, таких идей было немало, причем они никогда не развивались обособленно друг от друга, но изначально выступали синхронически взаимосвязанными. Кроме того, несмотря на все произошедшие трансформации, в них просматривается и диахроническая взаимосвязь, иначе говоря, *премствленность*. Поэтому их можно характеризовать как некий изначальный фундамент, без которого Институт человека как проект, на наш взгляд, просто немыслим. Разумеется, сделать это в рамках одной статьи не представляется возможным. Ограничимся лишь одной из них, которая нам представляется системообразующей — идеей нового европейского гуманизма.

* * *

Новый европейский гуманизм, во многом отличный от традиционного, формировался и развивался в двух версиях. Их можно с некоторой условностью назвать *западноевропейской* и *восточноевропейской* (к последней примыкал и отечественный гуманизм).

Социально-исторические предпосылки нового западноевропейского гуманизма своими корнями уходят в трагические события первой половины XX века, которые были связаны с деятельностью фашистских режимов, пришедших к власти в ряде стран Европы, а также с ужасами Первой и Второй мировых войн. Остановимся подробнее на трех из этих предпосылок.

Во-первых, речь идет о проводившейся политике геноцида евреев и цыган на территории Третьего рейха, практике уничтожения коммунистов, Советских военнопленных, поляков в концентрационных “лагерях смерти”, а также тотального истребления гомосексуалистов, психически больных людей и пациентов, страдающих наследственными заболеваниями (Программа умерщвления “Т-4”). Осознание всего ужаса этого проекта и воплотилось в страшном и очень емком слове “Освенцим”.

Во-вторых, — это практика проведения бесчеловечных биомедицинских экспериментов над узниками концлагерей, санкционированная режимами Германии и Японии и направленная на получение новых научных результатов, в первую очередь для военных целей. Такая практика, включавшая в себя эксперименты с гипотермией, перепадами давления, воздействиями ядов, зажигательных смесей, горчичного газа, морской воды и т.д., была осуждена Нюрнбергским трибуналом на так называемом “процессе над врачами”, слушания по которому шли с ноября 1946 по август 1947 года. Подавляющее большинство подсудимых, проходивших по этому делу, было признано виновными в массовых убийствах ни в чем не повинных людей, то есть в преступлении против человечности.

Чтобы предотвратить в дальнейшем подобную практику, в 1947 году Трибуналом был принят Нюрнбергский кодекс. Его десять принципов регулируют в международно-правовом поле проведение биомедицинских экспериментов на человеке. Кроме того, в сентябре 1948 года была принята Женевская декларация Всемирной медицинской ассоциации, содержащая Международную клятву врачей, в которой, в частности, есть такие строки: “Я буду поддерживать предельное уважение к человеческой жизни с момента зачатия, и даже под угрозой я не употреблю медицинское знание против закона человечности” [3].

Эксперименты, аналогичные нацистским, проводились и японскими военными медиками над этническими китайцами в “Отряде 731”, который располагался в районе станции Пинфань в 20 км от города Харбин и был непосредственно подчинен штабу Квантунской армии, с целью создания бактериологического оружия массового поражения. Эти исследования оказались результативными, поскольку к 1944 году в лаборатории Отряда “был разработан метод применения бактериологического оружия путем сбрасывания специальных фарфоровых бомб, начиненных эпидемическими бактериями” [17, с. 126]. Судебный процесс по делу японских врачей проходил с 25 по 30 декабря 1949 года в Хабаровске.

В-третьих, — это применение Соединенными Штатами в августе 1945 года ядерного оружия против мирного населения Японии. Это событие послужило толчком к беспрецедентной гонке ядерных вооружений между двумя державами-победителями. На этом тревожном фоне 9 июля 1955 года в Лондоне был озвучен Манифест Рассела—Эйнштейна, подписанный крупнейшими естествоиспытателями Европы [13]². Положения Манифеста легли в основу Пагуошского движения ученых, сформировавшегося к 1957 году, участники которого на протяжении 60 лет регулярно проводят международные конференции. В Манифесте говорится также о том, что в сложившихся обстоятельствах тотального противостояния

² К сожалению, главы государств, обладающих ядерным оружием, вовремя не прислушались к положениям Манифеста. Гонка вооружений продолжилась и привела к тому, что 30 октября 1961 года на высоте 4 км над о. Новая земля была взорвана самая мощная в истории человечества водородная бомба. А еще через год советские ядерные боеголовки были тайно доставлены на Кубу, и разразился Карибский кризис, поставивший мир на грань полного уничтожения.

коммунизма и антикоммунизма “мы должны научиться мыслить по-новому” [там же]. Именно этот призыв ведущих представителей научной общественности впоследствии был положен в основу концепции “нового мышления” времен горбачевской Перестройки.

* * *

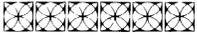
К числу *социально-исторических предпосылок* зарождения идей нового гуманизма в СССР следует отнести критику культа личности Сталина и начало процесса реабилитации людей, ставших жертвами массовых репрессий со стороны тоталитарного режима. На формирование гуманистических устремлений в отечественной философии повлияли также неисчислимые человеческие жертвы Великой Отечественной войны.

Философской предпосылкой зарождения гуманистических идей послужили ранние труды К. Маркса, в первую очередь “Экономическо-философские рукописи 1844 года”, которые были опубликованы на русском языке в 1956 году³. Подавляющее большинство мыслителей, развивавших идеи отечественного гуманизма в 1960–1980-х годах, делало это в русле марксистской традиции, опираясь на труды раннего и зрелого Маркса. К их числу в первую очередь надо отнести И.Т. Фролова, который, фактически, возглавлял это течение. Однако в стране также работали философы, апеллировавшие скорее к гуманистическим принципам И. Канта, а именно к его нравственной максиме: “Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству” [5, с. 270], которая является одной из формулировок категорического императива. К таким мыслителям следует отнести, в частности, Э.Ю. Соловьева.

Сторонники гуманистического марксизма полагали, что Маркс, отталкиваясь от идей Гегеля и Фейербаха, совершил интеллектуальный прорыв своим *учением об отчуждении человека* и вывел гуманизм на новый уровень развития. Мы не будем здесь детально анализировать Марксовы рукописи, поскольку на эту тему существует много специальной литературы. Заметим лишь, что молодой Маркс и его советские последователи помещали глубинные истоки отчуждения в социально-экономическую сферу жизни общества. Однако его не следует трактовать лишь как негативный психологический настрой, мешающий рабочему трудиться. Отчуждение проникает и в социально-правовую сферу, поскольку производитель материальных благ юридически лишен возможности ими владеть и распоряжаться, и в сферу политическую, поскольку государство защищает интересы правящего класса и потому нередко прибегает к идеологическому давлению и даже физическому насилию (репрессиям). Преодолеть отчуждение можно лишь

С. Малков
Институт
человека:
размышления
о перспективах
гуманизма

³ На языке оригинала эти рукописи впервые были опубликованы в Германии в 1932 году.

одним путем — упразднив частную собственность как социальный институт, в результате чего человек, преодолев внутреннее отчуждение и свое отчуждение от общества, сможет вернуться “к самому себе”. “Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, то есть человеческому. Такой коммунизм, как заверченный натурализм, = гуманизму, а как заверченный гуманизм = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком” [16, с. 116]. Обратим внимание на высказанную здесь мысль Маркса о том, что “коммунизм равен гуманизму”: гуманизм может состояться лишь в коммунистическом обществе, поскольку только в последнем станет действительностью неотчужденный труд.

Наряду с учением об отчуждении человека, гуманистический марксизм включает в себя и вторую составляющую, тесно связанную с первой, — *концепцию гармоничной, всесторонне развитой личности*, которая выступает в качестве *идеала* человека коммунистической эпохи. Согласно Марксу, именно ликвидация частной собственности приводит к исчезновению отчуждения и, как следствие, — гармонизации отношений человека с природой, обществом и самим собой. После ликвидации института наемного рабства труд человека раскрепощается, становится свободным и превращается в *естественную человеческую потребность*, в результате чего повышается его производительность. В обоснование этого тезиса постоянно приводилась известная цитата из “Критики Готской программы” (1875) [14, с. 20].

Наконец, третья составляющая гуманистического марксизма — это *учение о свободном времени*, увеличение которого не только является необходимым условием для всестороннего развития личности и повышения производительности труда, но и своеобразным показателем степени гуманности общества, мерой высоты достигнутого им уровня развития. В связи с этим зрелый Маркс в черновом наброске “Критики политической экономии” (1857–1858) замечает, что при капитализме “самая развитая система машин заставляет теперь рабочего работать дольше, чем работает дикарь, или дольше, чем работал сам этот рабочий, когда он пользовался самыми простыми примитивными орудиями” [15, с. 217–218], поскольку прибавочный труд используется для извлечения еще большей прибыли, то есть для дополнительной эксплуатации. При коммунизме “свободное время перестанет существовать в антагонистической форме, — тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индиви-

да, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, свободное время всех возрастет... Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время” [там же, с. 217].

Все свободное время человека Маркс подразделял на досуг (отдых), который служит для восстановления затраченных в процессе труда физических и психических сил, и на деятельность, направленную на самосовершенствование и творческое развитие, на превращение себя в гармоничную и всесторонне развитую личность.

* * *

Таковы, на наш взгляд, были основные философские предпосылки советской версии нового гуманизма, на которых основывалась и идеология перестройки, и личные убеждения И.Т. Фролова, и выросшая из этого идейно-философского комплекса концепция Института человека. Иван Тимофеевич полностью разделял учение о коммунизме как обществе, в котором только и может реализоваться подлинный гуманизм. Поскольку в СССР отсутствовала частная собственность, идея построить жизнь страны на основе гуманистического учения Маркса казалась вполне здоровой и отвечала требованиям времени. Именно эту идею отстаивал и развивал философ, говоря о “новой, коммунистической цивилизации, сущность которой совпадает с гуманистической сущностью культуры” [19, с. 241].

Свои взгляды на “гуманистическую культуру” и ее роль в формировании “человека будущего” И.Т. Фролов концентрированно изложил в книге “Перспективы человека”. В ней Иван Тимофеевич пришел к очень важному выводу о том, что без целенаправленного формирования в современном мире гуманистической культуры невозможно двигаться дальше к новому человеку⁴, к личности, которая будет жить в коммунистическом обществе. “Марксисты связывают будущее человеческой цивилизации с утверждением и развитием культуры по пути ее все углубляющейся *гуманизации*. Культура, подчиняющая свой пафос и этос служению человеку, его свободному и всестороннему развитию, — вот та перспектива, которая способна вдохновлять и побуждать к действию на социальном и индивидуальном уровнях, к диалогу и согласию во имя этого действия” [там же, с. 252–253]. Что же представляет собой “Новый человек”? «Человек будущего, — писал Фролов, — согласно марксистской концепции, представляет собой прежде всего “совокупность всех общественных отношений”, которые характеризуют коммунизм как общественно-экономическую формацию, как новый тип цивилизации. Человек будущего — это человек разумный и гуманный, пылкий и деятельный,

С. Малков
Институт
человека:
размышления
о перспективах
гуманизма

⁴ Следует отметить, что корни идеи “нового человека” уходят вглубь веков, а именно в Новый завет. Так, апостол Павел призывал своих учеников “отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях... обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости” [Еф. 4, 22–24]. Мысль о “новом человеке” нашла отражение в русской литературе XIX века, а именно в произведениях демократической направленности 1860-х годов (романы Н.Г. Чернышевского “Что делать?”, И.С. Тургенева “Отцы и дети”). Она развивалась у нас в стране в 1920–1930-е годы.

умеющий вместе с тем наслаждаться красотой; это целостная, всесторонне развитая личность, воплощающая идеал подлинного единства сущностных сил человека, его духовного и физического совершенства» [там же, с. 224].

Гуманистическая мысль Ивана Тимофеевича о «диалоге и согласии» во имя служения человеку резко контрастирует с идеями, господствовавшими у нас в 1930-е годы. Так, писатель-гуманист (говорим это без иронии) А.М. Горький, едва ли не первым заговоривший о необходимости создания у нас в стране Института человека⁵, 15 ноября 1930 года в газете «Правда» заявлял: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, — его истребляют» [2]. Между прочим, через десять дней после публикации этой статьи в стране начался «Процесс по делу Промпартии».

Впрочем, фундаментальный марксов тезис о возможности гуманизма и «человека разумного и гуманного» лишь при коммунизме сам по себе теоретически обосновывал и в некотором смысле оправдывал практику нарушения гуманистических норм «здесь и сейчас» (в том числе и в СССР вплоть до середины 1980-х годов). Как справедливо замечает В.А. Лекторский, «практическое воплощение марксова гуманистического проекта не могло не привести на практике к антигуманным следствиям, к варварскому делению всех людей на «мы» и «они», первые из которых воплощают шаги прогресса, а вторые — историческое зло, а потому подлежат истреблению» [12, с. 14].

Чуть позднее мы попытаемся обосновать этот тезис о неизбежности «варварского деления» людей, который на наш взгляд, логически вытекает из самой сути марксизма. Он говорит о совместимости в одной концепции и марксова учения о гуманизме, которое, как показывают исследования, тот развивал на протяжении всей своей жизни⁶, и его же учения о классовой борьбе и насилии как повивальной бабке старого общества, беременного новым. Последнее и нашло отражение в высказываниях позднего Горького. А сейчас скажем несколько слов об истоках гуманистического учения И.Т. Фролова. В отечественных (и не только) исследованиях высказывается мнение, что они носят христианский характер. Так, китайская исследовательница Яо Ин полагает: «И хотя И.Т. Фролов разрабатывая свои идеи нового гуманизма, ссылаясь на учение Маркса о человеке, однако корни его идеологии лежат глубоко в почве традиционной русской философии» [цит. по: 11, с. 11]. Отечественный исследователь С.Н. Корсаков придерживается несколько иной точки зрения: по его мнению, христианство повлияло на учение И.Т. Фролова «опосредованно, через тех

⁵ Более детально о взглядах А.М. Горького и его роли в создании Института человека см. [7].

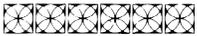
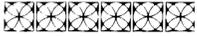
⁶ См. по этому поводу [17].

мыслителей, которые оказывали на него влияние в молодые годы. Мало кто знает, что философом, который оказал на И.Т. Фролова решающее влияние, был Кант” [там же, с. 12]. Думаю, такие заявления нуждаются в некоторой корректировке. Не отрицая определенного воздействия идей Канта на мировоззрение Ивана Тимофеевича, решающее влияние на него и на все его поколение оказал, разумеется, не кенигсбергский мыслитель, а молодой Карл Маркс, философия которого мало согласовывалась с христианскими основами. В этом плане непревзойденной по глубине и проницательности работой, вскрывающей истоки марксова учения (в том числе учения о новом человеке и гуманизме), остается книга Н.А. Бердяева “Истоки и смысл русского коммунизма”. В ней философ показал, что Маркс и его последователи ориентируют людей на достижение “царствия божьего” здесь на земле, призывая сотворить рай собственными руками. Данная идея, в чем-то напоминающая построение Вавилонской башни, в корне чужда христианскому учению.

Следует сказать, что Иван Тимофеевич в соответствии с духом времени противопоставлял “новый”, “научный”, “реальный”, “коммунистический” гуманизм Маркса старому, западному, буржуазному гуманизму как “традиционному”, считая последний “по большей части утопическим, абстрактным в том, что касается путей его реализации” [там же, с. 255–256]. К сторонникам абстрактного гуманизма он причислял и многих выдающихся мыслителей XX столетия, таких как Дж. Хаксли и основатель и первый президент Римского клуба А. Печчеи⁷. Но при этом он оценивал их труды очень высоко и способствовал публикации в СССР книги А. Печчеи “Человеческие качества”. И в том, что на исходе века у нас в стране все более значимо стала проявляться ориентация на “общечеловеческие ценности”, получила развитие идея об их приоритете над классовыми интересами — огромная заслуга таких мыслителей-марксистов, как И.Т. Фролов. Именно он, осознавая пагубные последствия для человека и общества марксистского учения о классовой борьбе, своими трудами сделал существенный шаг в сторону сближения с идеями нового западно-европейского гуманизма.

Мы особо хотели бы отметить, что мысли И.Т. Фролова о гуманистической культуре существенно дополняют три охарактеризованных выше положения марксова учения о гуманизме. В них отразились свойственные последним десятилетиям XX века представления о культуре как самостоятельном активном начале. Действительно, из учения Маркса об увеличении свободного времени после ликвидации в обществе института частной собственности не вполне понятно, почему рабочий обязательно станет его тратить на самосовершенствование и культурное развитие, а не захочет, скажем, пребывать в праздности и бездействии? Ведь, как мы сегодня хорошо зна-

⁷ Развернутой критике взглядов А. Печчеи И.Т. Фролов посвятил несколько страниц своей книги “Перспективы человека”. См. [16, с. 91–93].

ем, увеличение свободного времени вполне может привести и к деградации человека, причем даже быстрее, чем чрезмерная загруженность. И вот здесь идеи И.Т. Фролова о гуманистической культуре, роли образования и воспитания оказываются чрезвычайно востребованными.

Именно такая стоящая на повестке дня “всемирно-историческая” задача формирования человека коммунистического будущего в условиях *гуманистической* культуры и послужила одной из отправных точек, определивших необходимость создания Института человека у нас в стране.

* * *

По иронии судьбы Институт человека был создан буквально через несколько недель после распада СССР, и все то, что писал И.Т. Фролов о подлинном гуманизме и новом человеке, оказалось неприменимым к изменившейся российской действительности. Идеал всесторонне развитой личности вместе с коммунистическим обществом и соответствующей культурой, которая должна была воплощать его в жизнь, все больше теряет актуальность и уходит в прошлое. Теперь, по прошествии 25 лет, проект построения социализма с человеческим лицом окончательно превратился из науки в утопию. Но означает ли данное признание крах нового европейского гуманизма вообще? И даже многих важных дополнений, внесенных “советским проектом” гуманистического марксизма? Хотя ныне гуманистическая идея переживает в мире не лучшие времена, западный “абстрактный” гуманизм на поверку дня оказался на удивление жизнеспособным и действенным. Попробуем показать это на примере борьбы за отмену смертной казни.

Так, спустя 4 года после окончания Второй мировой войны, 5 мая 1949 года в Лондоне представителями десяти европейских государств было подписано соглашение о создании Совета Европы и принят устав этой организации (ныне ее членами являются 47 государств, в том числе 21 центрально- и восточно-европейское государство, и еще одно государство — Республика Беларусь — подало заявку на вступление). 4 ноября 1950 года в Риме была подписана “Конвенция о защите прав человека и основных свобод”, больше известная как “Европейская конвенция по правам человека”, которая, в частности, содержит в себе следующее положение: “Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание” [8].

28 апреля 1983 года в Страсбурге был принят Протокол № 6 к вышеуказанной Конвенции, которым провозглашалась отмена смертной казни в мирное время. К настоящему момен-

ту Протокол подписан и ратифицирован 47 государствами — членами Совета Европы из 48-ми, за исключением России, которая его подписала, но пока не ратифицировала. (В Госдуме этот документ находится на утверждении с 1999 года.)

3 мая 2002 года в Вильнюсе был подписан Протокол № 13 к Конвенции о запрете смертной казни при любых обстоятельствах, в том числе и в военное время, не допускающий никаких оговорок. Этот документ на сегодняшний день подписан и ратифицирован 41 государством — членом Совета Европы из 47-ми; 4 государства — Армения, Испания, Латвия и Польша — его подписали, но не ратифицировали; наконец два государства его не подписали — это Азербайджан и Россия.

Что касается стран Европейского Союза, то во всех из них действует конституционный запрет на смертную казнь. Последней, внесшей соответствующую поправку в свою конституцию, стала Франция. Это произошло 20 февраля 2007 года.

На сегодняшний день Беларусь является единственной европейской страной, реально практикующей смертную казнь. Последняя там состоялась совсем недавно — в апреле этого года⁸.

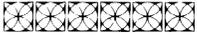
В России в 1999 году решением Конституционного суда был введен мораторий на смертную казнь, а в 2009 году — запрет для судов на вынесение смертного приговора, вступивший в силу с 1 января 2010 года. При этом Уголовный кодекс РФ предусматривает смертную казнь в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления в полном соответствии со статьей 20 Конституции РФ. Все это свидетельствует о том, что новый европейский гуманизм является исключительно действенным средством, а не пустой “абстракцией”, как полагали марксисты.

* * *

Сегодня назрела необходимость скорректировать, а то и вовсе пересмотреть многие философские предпосылки “конкретного” гуманизма в его отечественной версии. Вот лишь некоторые соображения на этот счет.

Марксистское понимание человека по своей сути является эссенциалистским. Оно основывается на признании того, что у каждого человека есть некая “сущность”, которая к тому же находится вне его, да еще и способна изменяться. Эта сущность представляет собой “совокупность всех общественных отношений”. Соответственно, у людей, живущих в обществах, принадлежащих к разным общественно-экономическим формациям, оказываются разные сущности. Это совсем разные люди, причем одни из них больше соответствуют “подлинному” идеалу человека, а другие — меньше. Первые уже преодолели, или, по крайней мере, успешно преодолевают в себе “самоотчуждение”, а также отчуждение от природы и общества,

⁸ 29 апреля Гомельский областной суд получил подтверждение о казни Сергея Вострикова, совершенной в тюрьме по приговору суда.

тогда как вторым до этого еще далеко. И от желания и усилий самого человека здесь мало что зависит — главное то, на какой ступени развития находится его общество.

Гуманизм Канта также является эссенциалистским. Немецкий философ писал: “О человеке... как моральном существе уже нельзя спрашивать, для чего (*quern in finem*) он существует. Его существование имеет в себе самом высшую цель” [6, с. 409]. Однако сущность человека, по Канту, заключается в его разумности. Только о разумном человеке можно сказать, что он “достиг совершеннолетия”. Соответственно человеческие эмбрионы, младенцы, глубокие старики, а также психически больные люди опять-таки оказываются своеобразными не-до-человеками, и цель их существования на земле остается не проясненной. Поэтому они оказываются вне зоны действия категорического императива Канта в его гуманистической формулировке (как не вспомнить здесь еще раз нацистскую программу “Т-4”, хотя сам кенигсбергский философ, разумеется, не имеет к ней никакого отношения).

Эссенциалистские идеи корнями уходят в аристотелево учение о сущности. Сущность (др.-греч. — οὐσία, лат. — *essentia*) — это совокупность признаков, которые делают ту или иную вещь тем, что она есть, то есть это набор свойств, присущих ей по необходимости (атрибутов). Учение о сущности у Аристотеля дополняется учением об энтелехии, то есть о выполненной сущности. Так младенец, согласно учению Аристотеля, представляет собой человека, но “человека в возможности”, поскольку его разум еще не успел проявиться во всей полноте, а вот в 40-летнем мужчине — “человеке в действительности” — сущность оказывается реализованной, исполненной бытия, достигшей своей “энтелехии”.

Эссенциалистское учение об энтелехии своеобразным образом проявилось и в понимании человека как существа разумного у Канта, который был наследником идей Просвещения, и в понимании человека у Маркса, у которого роль его энтелехии, то есть выполненной сущности, сыграли общественные отношения. В этом плане получается, что капиталистический человек — это только “человек в возможности” (то есть “не-до-человек”), а потому на людей с буржуазной сущностью гуманистические принципы не распространяются. Именно здесь коренятся истоки варварского деления всех людей на “мы” и “они”, о котором писал В.А. Лекторский.

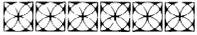
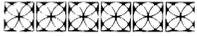
Как метко заметил Э. Агацци, идея сущности, которая противостоит явлению, приводит нас к “онтологическому дуализму”, утверждающему, «что у всякой реальности есть поверхность и сердцевина и что перед нашим познанием всегда стоит вызов — добраться до этой сердцевины, проникнув через кору поверхностных слоев случайных образов. Это представление стало настолько привычным, что ссылки на него можно встретить даже в повседневном языке. Мы говорим, например, о по-

верхностном знании, противопоставляя его глубокому знанию, мы говорим об исследовании, “добираемся до сути вещей” и т.д.» [1, с. 55]. В концепции онтологического дуализма сущность понимается “как некоторого рода скрытая сердцевина реальности, которую нужно раскрыть и овладеть ею усилием философской интуиции, способной проникнуть сквозь покров случайных свойств” [там же, с. 58]. Такое понимание сущности Агацци называет “неправильным”.

На наш взгляд, одним из способов ухода от онтологического дуализма и указанных выше проблем является отказ от эссенциалистской трактовки человека. В западноевропейской традиции этот отказ лучше всего нам известен по экзистенциалистской философии Ж.-П. Сартра, в частности, по его известной работе “Экзистенциализм — это гуманизм” (1946). Не меньший интерес представляет здесь и “Письмо о гуманизме” М. Хайдеггера (1947).

Однако сейчас, оставив в стороне критику концепции Сартра, нам хотелось бы обратить внимание на другую идею — *уважения человеческого достоинства*, которая была положена в основу Конституции ФРГ, принятой в 1949 году. Так, статья 1 Конституции провозглашает: “Достоинство человека неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти. Исходя из этого, немецкий народ признает неприкосновенные и неотчуждаемые права человека в качестве основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле” [9].

Заметим, что достоинство человека не является здесь его сущностью (в “неправильном”, в смысле Агацци, понимании этого термина) — той, которая с течением времени претерпевает процесс становления (осуществляется), достигая полноты бытия (энтелехия). Мы уходим от онтологического дуализма, установив для себя, что человеческое достоинство — это то, чем человек обладает в силу самого факта своего существования, просто потому, что он рожден человеком. Человеку присуще достоинство независимо от уровня развития его способностей, от тех качеств, которыми он обладает (или не обладает), независимо от того, как он относится к другим людям, какой он национальности, расы, пола, возраста, религиозной принадлежности, здоров он или болен, дееспособен или нет. Это распространяется, пусть и не без оговорок, даже на эмбрион человека. Человеческое достоинство является понятием не биологическим, оно имеет социальные корни, поскольку только общество в лице государства может требовать от своих граждан уважения человеческого достоинства, только государство от имени общества может гарантировать его защиту каждому человеку. Это в первую очередь выражается в защите неотъемлемых прав человека, к которым относится право на жизнь, но не только оно. Данный подход может быть положен в основу любого общества, стремящегося воплотить у себя гумани-

тические принципы, на каком бы “уровне” экономического и социо-культурного развития оно ни находилось, какой бы этнокультурной спецификой ни обладало. При этом важнейшее значение приобретает вопрос о создании практических (социо-культурных, социо-психологических) предпосылок для укоренения указанного подхода. Такое возможно благодаря целенаправленному формированию в обществе гуманистической культуры (помните идеи И.Т. Фролова?!), причем это должно стать одной из важнейших основ государственной политики. Формирование такой культуры осуществляется при помощи специально разработанных для этого социо-гуманитарных технологий.

Сформулированная здесь идея человеческого достоинства своими корнями уходит в гуманизм эпохи Возрождения. В частности, она отсылает нас к антиэссенциалистской “Речи о достоинстве человека” Пико делла Мирандолы, который писал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю” [4, с. 507–508].

Мы понимаем, что данный подход не освобождает от проблем и споров. Можно ли проводить эксперименты на человеческих эмбрионах? Следует ли поддерживать жизнь пациентам, находящимся в вегетативном состоянии? Обладают ли безнадежно больные люди правом на смерть? Однако дискуссии по этим проблемам должны носить широкий общественный характер, и решения по ним должны приниматься максимально осторожно с учетом мнения всего общества, исходя из идеи уважения человеческого достоинства как регулятива. И в обществах, где утвердилась культура нового гуманизма, обычно именно так и происходит.

Из идеи уважения человеческого достоинства вытекают основные принципы, которые должны лежать в основе любой гуманистической культуры, но которые, к сожалению, кое-где в современном обществе теряют популярность. Речь идет о принципах толерантности, плюрализма, критицизма, о свободе совести, слова и самовыражения. Они могут трактоваться по-разному, порой взаимоисключающим образом. Однако сейчас, во времена “консервативного поворота” они нередко отторгаются даже на уровне фраз и упоминаний. На наш взгляд, эти принципы и свободы получают очень интересное и приемлемое в практическом плане обоснование в концепции “диалога культур”, основоположником которой является наш великий соотечественник М.М. Бахтин. Так, В.А. Лекторский выделяет и анализирует четыре различных способа понимания

толерантности (и плюрализма): толерантность как безразличие; толерантность как уважение к другому, которого я вместе с тем не могу понимать; толерантность как снисхождение; и, наконец, толерантность как основа коммуникации с представителями иных точек зрения. И предпочтение отдается этому последнему⁹.

* * *

Мы полагаем, что сегодня идея Института человека как проекта обязательно должна опираться на целый ряд оснований, о которых четверть века назад не думалось или, по крайней мере, не говорилось вслух. И среди которых особое место занимает новый европейский гуманизм. Без него невозможно полноценное развитие целого ряда исследовательских направлений, в том числе технауки, биоэтики, гуманитарной экспертизы, критики сциентизма, технократизма и трансгуманизма. Гуманистические принципы закладывались в основу деятельности Института человека его создателем И.Т. Фроловым, но сегодня они должны быть расширены. В этом плане представляет большой интерес идея П.Д. Тищенко о воссоздании Института человека как организации, осуществляющей этическую и социо-гуманитарную экспертизу различных научно-технических проектов, использующих достижения новейших технологий. Эта экспертиза направлена на выявление рисков и предотвращение угроз, которые несут с собой новые разработки для человека и человечества. При этом основой деятельности такого института оказываются гуманистические идеи, ориентированные на защиту прав и уважение достоинства человеческого существа. В качестве парадигмальных примеров он называет *Институт Ратенау* в Голландии (Rathenau Institute) и норвежский Центр изучения естественных и гуманитарных наук Бергенского университета (The Center for the Study of Sciences and Humanities of the Bergen University, Norway).

Однако в сегодняшних российских условиях эта идея может таить в себе немалую коррупционную составляющую (ведь приниматься или отвергаться будут многомиллиардные проекты!), а потому сама требует всесторонней “гуманитарной экспертизы”. На наш взгляд указанные экспертные функции, скорее всего, должен осуществлять не один институт, а целая сеть организаций, включающая также и различные институты гражданского общества, которые будут представлять интересы разных социальных игроков. Благодаря этому экспертная деятельность обретет трансдисциплинарный¹⁰ характер и станет работать в интересах всего общества.

Однако список основополагающих идей, послуживших основанием для создания Института человека РАН, на наш

С. Малков
Институт
человека:
размышления
о перспективах
гуманизма

⁹ Подробнее см. [12, с. 23–31].

¹⁰ Подробнее см. [19].

взгляд, не исчерпывается одним только *новым гуманизмом*. Это детище Ивана Тимофеевича Фролова задумывалось и создавалось также на базе *идеи единой науки о человеке*, но это уже тема для другого разговора.

Литература

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
2. Горький М. Если враг не сдается, его уничтожают. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-344.htm>
3. Женевская декларация. Международная клятва врачей. URL: <http://www.med-pravo.ru/Ethics/seventh.htm>
4. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1.
5. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4 (1).
6. Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 5.
7. Киселева М.С. Институт человека как интеллектуальная идея и ее социальный контекст // Человек. 2017. № 2. С. 78–94.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf
9. Кондрашов П.Н. Понятие экзистенции в философии Карла Маркса // Человек. 2016. № 2. С. 127–139.
10. Конституция Федеративной Республики Германии. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru
11. Корсаков С.Н. Предисловие. О проблеме совершенствования человека // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 5–16.
12. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
13. Манифест Рассела—Эйнштейна. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html>
14. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 19.
15. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1969. Т. 46. Ч. II.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1972. Т. 42.
17. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих Японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950.
18. Трансдисциплинарность в философии и науке. Материалы круглого стола // Человек. 2016. № 5–6.
19. Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Издательство ЛКИ, 2008.